

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОЙ И НОВОЧЕРКАССКОЙ ЕПАРХИИ*

А. В. Шадрина

Южный научный центр Российской академии наук

Поступила в редакцию 19 ноября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена особенностям организации и формам социального служения Русской церкви в годы I Мировой войны на примере Донской и Новочеркасской епархии. Анализ впервые вводимых в научный оборот архивных источников и донской периодики военного времени показывает, что программа действий духовенства и прихожан содержалась в распоряжении Св. Синода, опубликованном после издания Высочайшего Манифеста о войне с Германией. Помимо централизованных мероприятий, связанных с пожертвованиями, немалая часть социальной работы, к которой относились учреждение комитетов для помощи семьям воинов, устройство лазаретов, яслей-приютов и др. выполнялась по личной инициативе священнослужителей.

Ключевые слова: I Мировая война, Донская и Новочеркасская епархия, донское духовенство, социальное служение, совет по призрению семейств воинов, комитет по устройству быта беженцев, приюты-ясли для детей воинов.

Abstract: the article is dedicated to the peculiarities of organization and forms of social ministry of the Russian church in the years of World War I on the example of the Don and Novocherkassk Diocese. Analysis of the archival sources and the Don wartime periodical publications, introduced into scientific circulation for the first time, shows that the clergy and parishioners programme of action was at the disposal of the Holy Synod, issued after publication of the Imperial Proclamation about the war with Germany. In addition to the centralized activities related to donations, a large part of social work, which included the establishment of committees for assistance to the families of soldiers, organization of hospitals, nursery-orphanages, etc. was executed on the personal initiative of the clergy.

Key words: World War I, Don and Novocherkassk Diocese, Don clergy, social service, Council on charity for warriors' families, Committee on household activities organization for refugees, nursery-orphanages for the children of soldiers.

Одним из важнейших аспектов истории Российской империи является проблема социального служения Русской церкви в годы мировых войн в целом и I Мировой войны в частности. Поставленная проблема продолжает оставаться актуальной, поскольку ее историография находится в стадии становления и сегодня представлена только рядом статей [1–8]. Введение в научный оборот ряда источников позволяет осветить особенности организации и форм социального служения Русской церкви в Донской и Новочеркасской епархии, которые, впрочем, не носили исключительно регионального характера и были типичны для других епархий [8, с. 336].

Основу источниковой базы составило делопроизводство Донской духовной консистории, касающееся вопросов, связанных с социальной деятельностью

духовенства и приходских общин Донской и Новочеркасской епархии, и публикации в «Донских епархиальных ведомостях» за 1914–1915 гг.

Российская империя, вступившая в I Мировую войну, с первых дней привлекла Русскую церковь к социальному служению. Уже первое распоряжение Св. Синода, опубликованное после издания Высочайшего Манифеста о войне с Германией, содержало программу действий духовенства и прихожан, которая выполнялась вплоть до революционных событий 1917 г. После возложенного на приходское духовенство обнародования Высочайшего Манифеста священнослужители должны были совершить молебен «о даровании победы христоробивому российскому воинству». Каждой церкви империи давалось указание совершать «вседневные молитвы о победе над врагом» [9, с. 518]. Далее следовали более практические распоряжения: монастыри, церкви и православная паства призывались к пожертвованиям «на врачевание раненых и больных воинов» и на оказание помощи семействам лиц, призванных на войну. В

* Статья подготовлена в рамках базовой темы бюджетного финансирования ЮНЦ РАН № 00-15-12 «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до Нового времени».

© Шадрина А. В., 2016

каждом храме должны были быть установлены кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны. Монастыри, общины и все духовные учреждения призывались к «отводу и приготовлению всех свободных... помещений под госпитали для раненых и больных воинов» [там же, с. 519]. Кроме того, монастыри обязывались обеспечить персонал для ухода за ранеными. Приходское духовенство обязывалось произносить поучения патриотического содержания [там же]. Таким образом, помимо молитв и поучений, духовенство, насельники монастырей и прихожане призывались, во-первых, к пожертвованиям на нужды войны; во-вторых, к обеспечению медицинской помощи больным и раненым воинам; в-третьих, к заботе о семьях фронтовиков и пострадавших от войны. Социальное служение в Донской и Новочеркасской епархии было организовано в соответствии с этими задачами. Кроме централизованных мероприятий, как правило, связанных с пожертвованиями, немалая часть социальной работы выполнялась по личной инициативе либо священнослужителей, либо прихожан.

Первые отклики на призыв Св. Синода последовали в первые недели войны. 29 июля 1914 г. священник Троицкой церкви Итеревской станицы И. Кухтин просил благословения архиепископа Донского и Новочеркасского на открытие при Троицком храме комитета, целью которого было оказание материальной поддержки семьям воинов, ушедших на войну [10, с. 542]. Первоначальный капитал комитета составил взнос священника И. Кухтина в размере 25 руб., а пополняться средства должны были пожертвованиями прихожан, собираемыми в специальную кружку за богослужением [там же]. 21 августа 1914 г. новочеркасское градское духовенство на пастырском собрании постановило оборудовать и содержать в Новочеркаске на свои средства 8 коек для раненых воинов, что требовало 400 руб. одновременно на оборудование и 300 руб. ежемесячно [там же, с. 538–539].

С первых месяцев войны донское духовенство, подчиняясь распоряжению Св. Синода, приняло централизованное участие в пожертвованиях на нужды Российского общества Красного Креста [11, л. 1]. На съезде духовенства и церковных старост Донской и Новочеркасской епархии, прошедшем в конце сентября 1914 г. [12], было решено ежемесячно отчислять из личных доходов духовенства с каждого священника по 3 руб., с диакона – 2 руб., с псаломщика – 1 руб. [11, л. 1]. Для сравнения, съезд духовенства и церковных старост Костромской епархии постановил собирать со священника каждой церкви 3 руб. 75 к., с диакона – 2 руб. 50 к., с псаломщика – 1 руб. 25 к. [3, с. 74]. В 1915 г. размер отчислений из личных доходов донского духовенства был вновь утвержден

епархиальным съездом с поправкой «до окончания войны». Помимо того, было принято постановление об отчислении на нужды войны 10 % доходов от свечного взноса от каждой церкви епархии в год [13, л. 25].

К 1916 г. система обязательных пожертвований духовенства из личных средств и из прибыли от продажи свечей была упорядочена и представляла собой следующую схему:

1) 31 000 руб. передавалась в фонд призрения увечных воинов с целью образования капитала. Этот фонд функционировал при правлении Донского епархиального свечного завода [14, л. 24];

2) 10 000 руб. перечислялись в главное управление Российского общества Красного Креста через хозяйственное управление Св. Синода;

3) 5000 руб. – в Донской епархиальный комитет по устройству быта беженцев;

4) 10 000 руб. – в Донское окружное управление общества Красного Креста «на нужды раненых и больных воинов, призреваемых Донской областью»;

5) оставшиеся деньги должны были храниться до очередного епархиального съезда [15, л. 215].

Указанные пожертвования «на нужды войны» ежегодно перечислялись до 1917 г. включительно [там же]. За апрель 1915 г. на нужды Красного Креста духовенством епархии было собрано 9058 руб. 72 к. [11, л. 80 об.]. На 10 декабря 1916 г. ежемесячный сбор из личных средств духовенства и 10 % свечного взноса от церковей составил 6218 руб. 15 к. [14, л. 29].

К централизованным пожертвованиям Донской и Новочеркасской епархии следует отнести 20 000 руб., поднесенных архиепископом Донским и Новочеркасским Владимиром (Путятой) лично императору Николаю II при посещении им 5 декабря 1914 г. Новочеркасска [11, л. 77], 50 000 руб. «из достатков наших» и 9000 руб. «церковных», переданных в 1915 г. архиепископом Донским и Новочеркасским Митрофаном (Симашкевичем) в Ставку на нужды войны. Это пожертвование было отмечено личной благодарностью императора Николая II [16, с. 779–780].

Помимо ежемесячных денежных отчислений, донское духовенство участвовало в организации однократных сборов добровольных пожертвований, обусловленных обращениями различных благотворительных комитетов к Св. Синоду и архиепископу Донскому и Новочеркасскому. Так, в ноябре 1914 г. по указанию Св. Синода состоялся сбор «на нужды Российского воинства от населения» [17, л. 1]. Как священнослужители, так и прихожане отнеслись к сбору «чрезвычайно сердечно и отзывчиво» [там же, л. 5], однако он не дал значительных результатов, поскольку «из каждой семьи казака есть на войне сын, брат, внук и т. д., и все они обильно снабжаются из дома всем необходимым» [там же, л. 39]. Для приме-

ра, однократный сбор пожертвований церквями Безрезовского благочиния составил 822 руб. 46 к. [там же, л. 6 об. – 7]. В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы определением Св. Синода было разрешено произвести повсеместно сбор пожертвований Воинскому благотворительному обществу Белого Креста. По Донской епархии в пользу этого общества было собрано 68 руб. 29 к. [18, л. 22]. 6 декабря 1914 г. состоялся кружечный сбор в пользу Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям. Он дал 1987 руб. 25 к. [19, л. 1, 52]. Второй сбор в пользу этого общества, проведенный 5 и 6 декабря 1915 г., дал 108 руб. 16 к. [там же, л. 56, 76].

На протяжении 1915 г. однократные сборы разных комитетов и обществ значительно увеличились. Так, в Неделю о слепом (май 2015 г.) был объявлен сбор Комитетом великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий [20, с. 271–272]; 15 июня 1915 г. был разрешен тарелочный сбор комитету Общества по призрению детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей [21, с. 696–697]; 8 июля 1915 г. было опубликовано распоряжение Высокопреосвященнейшего Митрофана, архиепископа Донского и Новочеркасского, об организации сбора в пользу Комитета помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах [22, с. 497–499]; 16–17 сентября 1915 г. было дано разрешение проводить тарелочные сборы за литургиями на родительские субботы в течение трех лет во всех церквях империи Всероссийскому обществу памяти воинов Русской армии, павшим в войну 1914–1915 гг. [23, с. 811–812]; в октябре 1915 г. с просьбой о разрешении сбора пожертвований обратился председатель Общества памяти воинов Русской армии, павших в текущую войну с Германией, Австрией и Турцией [16, с. 782–784]; 5 и 6 декабря 1915 г. проводился сбор Обществом повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям [23, с. 812–813].

Сбор пожертвований стал широкой площадкой для личной инициативы духовенства, которая особенно проявилась во второй год I Мировой войны. В отчете о произведенном 15 августа 1915 г. сборе священник писал: «по случаю одержания славным Русским флотом победы в Рижском заливе над наглым врагом мною был произведен сбор пожертвований среди прихожан на изготовление снарядов для усиления боевой мощи доблестного нашего христоролюбивого воинства. Сбор этот выразился в сумме 14 руб. 60 к.» [24, л. 9]. 3 сентября 1915 г. съезд духовенства Ровенецкого благочиния постановил, помимо остальных обязательных взносов, отчислять на нужды войны по 5 руб. из церковных сумм от каждой церкви [там же, л. 1]. 10 сентября 1915 г. духовенство и церковные старосты Новониколаевского благочи-

ния постановили в течение года отчислять по 1 руб. с каждого пуда свечей [там же, л. 5]. 30 сентября 1915 г. духовенство Амвросиевского благочиния постановило «единовременно отчислить на приготовление снарядов для нашей доблестной Армии из свободных церковных сумм 100 % с определенного годового свечного взноса, что составляет сумму в 2098 руб.» [там же, л. 16]. Съезд духовенства и старост Митякинского благочиния постановил отчислять 50 % с определенного свечного взноса, начиная со второй половины 1915 г. [25, с. 539]. Священник Тихоновской церкви хутора Терновского И. Попов и его жена Антонина пожертвовали на военные нужды личные золотые вещи [24, л. 20].

В первый год войны на Дону, в том числе и со стороны Церкви, была организована широкая сеть лазаретов. Так, в 1914 г. были открыты лазареты в Донской духовной семинарии и Донском епархиальном женском училище [26, л. 2 об. – 3]. Они содержались на средства училищ. В приходе станицы Елизаветинской до 16 декабря 1915 г. содержалось в лазаретах 50 раненых воинов [11, л. 83–83 об.]. Духовенство Александровск-Грушевского благочиния пожертвовало из личных средств 1520 руб. на содержание 8 коек в лазарете г. Александровск-Грушевского [27, с. 734].

В I Мировую войну в круг патриотических обязанностей впервые была введена забота о семьях воинов [5, с. 40]. Несмотря на то что этот вид социального служения был инициирован Св. Синодом, на практике он был всецело отнесен к личной инициативе донского духовенства и прихожан, которые проявили себя в полной мере. Уже в августе 1914 г. в приходе Покровской церкви станицы Елизаветинской был открыт Попечительский совет по призрению семейств воинов. Из собранных среди членов Совета средств в 1915 г. пособие получали около 90 семейств [11, л. 83–83 об.]. При Одигитриевской церкви слободы Грековой-Александровки был организован Комитет о раненых воинах и их семьях под председательством священника Н. Ремезова [24, л. 49]. 21 июля 1915 г. благочинный Александровск-Грушевского благочиннического округа докладывал архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану, что с сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. от церквей и прихожан в пользу семейств, призванных в ряды войск, было собрано 45 435 руб. 49 1/3 к., 2448 пудов 29 фунтов хлеба и 8210 пудов угля [27, с. 733]. По инициативе священника церкви св. вмц. Параскевы Пятницы станицы Маньчской А. Ковалева станичники 30 марта 1915 г. вспахали и засеяли поля воинов, с которыми священник состоял в переписке [28, с. 448]. Благодаря деятельности Приходских попечительных советов, в Качалинском благочинии также были вспаханы и засеяны поля семейств призванных

на войну [там же, с. 448, 449]. Благодаря настойчивости священника Вознесенской церкви хутора Рогоженского А. Филиппова, Попечительский совет этого храма «исходатайствовал пред станичным обществом для семейств воинов рыболовные паи». Эти паи сдавались в аренду и давали возможность безбедно существовать семьям фронтовиков. Кроме того, священник А. Филиппов пожертвовал в их пользу весь полученный им заработок от панихиды на кладбище: 6 пудов печеного хлеба; 20 фунтов пряников; 20 фунтов бубликов; 200 штук яиц [там же, с. 448].

29 августа – 3 сентября 1915 г. был совершен 65-верстный крестный ход из станицы Распопинской в Кременской Вознесенский монастырь «с прилежными молениями о даровании победы нашему христоробивому воинству». Собранные во время крестного хода вещи и 164 руб. планировалось направить в донские казачьи полки № 17, 34 и 51 [29, с. 975–981].

26 августа 1915 г. в Новочеркасске был учрежден Епархиальный комитет по устройству быта беженцев и для попечения о военнопленных православного и греко-униатского исповеданий, который возглавил архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан [30, с. 703–704]. В состав комитета вошли Преосвященный Гермоген (Максимов), епископ Аксайский, викарий Донской епархии (товарищ); протоиерей Новочеркасского кафедрального собора С. Троицкий; градский благочинный П. Титорский; епархиальный наблюдатель Н. И. Орлов; секретарь консистории Н. И. Булгаков; настоятельница Старочеркасского женского монастыря игумения Флорентия; ректор Донской духовной семинарии протоиерей Д. Богоявленский; инспектор Епархиального женского училища протоиерей К. Родосский и смотритель Новочеркасского духовного училища М. М. Дядьков [там же, с. 704]. В 1916 г. в фонд этого Комитета из ежемесячных отчислений духовенства было передано 15 000 руб. [13, л. 25]. Приходское духовенство также с готовностью откликнулось на нужды беженцев. Священник Предтеченской церкви хутора Калиновского Ф. Перфильев сообщил архиепископу Митрофану, что прихожане его храма изъявили желание принять на содержание 76 беженцев. Сам священник выразил готовность «принять к себе... священника с двумя членами семьи или трех человек из какой-либо другой интеллигентной профессии» [30, с. 705].

Часто от священнослужителей не отставали в организации в приходах социальной помощи их супруги, дочери и прихожанки-женщины. Женский комитет, образованный при Покровской церкви станицы Морозовской, не только занимался пошивом и пересылкой белья в действующую армию, но и при помощи священника А. Гиляревского организовал приготовление и раздачу горячих обедов для беженцев, следовавших в поездах по линии Лихая – Царицын

[31, с. 1026–1027]. Организованный в слободе Ровнецкой дамский комитет по изготовлению белья для воинов под председательством жены священника Николаевской церкви Н. Добровольского в 1915 г. изготовил и отправил через канцелярию наказного атамана различные вещи на сумму 719 руб. 82 к. [24, л. 22]. К празднику Пасхи 1915 г. жена священника церкви станицы Манычской Е. Ковалева организовала сбор пожертвований для солдат действующей армии. В результате было заготовлено и отправлено 50 больших пакетов в двух тюках [28, с. 448].

2 июля 1915 г. был опубликован указ Св. Синода об оказании содействия Всероссийскому попечительству об охране материнства и младенчества под председательством императрицы Александры Федоровны по устройству летом 1915 г. приютов-яслей для детей воинов [21, с. 687–695; 32, с. 545–549]. Донское духовенство и их супруги приняли активное участие в предложенном государством виде социального служения. На время каникул с 1 июня по 15 августа такой приют-ясли был открыт при Донской Богородицкой церковно-приходской школе г. Новочеркаска [33, л. 9]. С 3 по 30 июня приют посетило 485 детей (в среднем 22 человека в день); в июле – 785 детей (30 человек в день); за 11 дней августа – 298 детей (27 человек в день) [там же, л. 12]. В Александровск-Грушевском благочинии ясли для детей воинов, матери которых в летнее время заняты полевыми и другими работами, функционировали почти при всех храмах благочиния (20 яслей) [там же, л. 21–24]. В большинстве храмов работу яслей организовывали и принимали участие в их деятельности жены и дочери священников [там же]. При выраженном желании духовенства исполнить указ Св. Синода во многих благочиниях Донской епархии инициатива государственной и высшей церковной власти не получила поддержки населения, и прежде всего, семей участников войны. Так, женщины из крестьянского сословия не желали оставлять своих детей, как грудных, так и взрослых, «на чужих руках, о чем доложили на съездах многие отцы настоятели приходов» [там же, л. 16]. Казачки, мужья которых были призваны на войну, также не желали отдавать своих детей в ясли, мотивируя тем, что их поля находятся далеко от станиц и хуторов, и они, уезжая на работу на долгое время, берут детей с собой, «так как в полях у них имеются для жительства курени» [там же, л. 32–32 об.] Во многих населенных пунктах население отказывалось от помощи, так как в уходе за детьми лиц, призванных на войну, «по местным условиям» принимали участие близкие родственники [там же, л. 39а]. Многим семьям не нужно было оставлять детей, поскольку их земля обрабатывалась односельчанами. 12 мая 1915 г. духовенство Кирсановского благочиния на съезде постановило: «Имея в виду, что

попечительные советы о семьях призванных на войну при содействии сельских обществ организовали широкую и всестороннюю помощь при обработке земли и посев хлеба этим семьям, и помощь эта будет оказана при уборке посевов, дети мобилизованных не останутся без присмотра, так как матери их будут свободны от полевых работ, съезд считает, что для образования яслей и кружков для ухода за детьми призванных на войну не представляется необходимости» [там же, л. 29].

8 августа 1915 г. по епархиям Русской церкви был разослан указ об учреждении земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов [34, л. 2]. Изъявив в письменном виде «полную готовность», духовенство и настоятели монастырей Донской епархии отказались от устройства подобных учреждений, обосновав отказ «недостатком денежных средств» [там же, л. 8, 10, 16]. На указ живо откликнулось только духовенство станицы Цымлянской, постановив открыть «Цымлянское на Дону общество св. Николая Мирликийского по призрению детей увечных и убитых воинов и круглых сирот Донской епархии». На протяжении 1916 г. предпринимались попытки изыскать средства для этого приюта и начальной школы. При приюте планировались скотный двор, пасека, сад, слесарно-столярная мастерская [там же, л. 24, 26, 30]. Был ли открыт приют – неизвестно.

Позиция местного населения определила незначительное число приютов-яслей, открытых в Донской епархии. По отчету 1916 г., на 911 церквей в епархии было открыто 68 приютов-яслей. С 1 июля по 15 августа 1915 г. в них «призывали» 4977 детей [33, л. 121–121 об.]

По замыслу государственной власти особую роль в организации социального служения должны были сыграть монастыри. В начале войны Св. Синод обратился с призывом организовать при монастырях лазареты, а в определении от 19 декабря 1914 г. призвал к отводу помещений в обителях для выздоравливающих и увечных воинов и к учреждению приютов для лиц детей, павших в бою [35, л. 4]. В определении от 27–28 мая 1915 г. Св. Синод вновь «располагал мужские монастыри к устройству для увечных воинов особых приютов» [там же]. 31 июля 1915 г. распоряжение было повторено с призывом «усилить размер денежных взносов на епархиальные и иные госпитали; увеличить размер пожертвований и отчислений в пользу Российского общества Красного Креста; возможно шире развить деятельность по учреждению приютов для выздоравливающих воинов и воинов увечных и по устройству приютов для детей лиц, павших в бою» [там же, л. 4 об.]

Донская и Новочеркасская епархия в силу особенностей, обусловленных принадлежностью местного населения к такой военизированной структуре,

как Войско Донское, не была богата монастырями. К 1914 г. на Дону насчитывалось только девять обителей, причем одна из них числилась как отделение Старочеркасского Ефремовского женского монастыря. Отвечая на призыв императора и Св. Синода, архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан 28 апреля 1915 г. сообщил, что в Донской епархии могут быть открыты «помещения для увечных воинов» [там же, л. 2]. Однако ни в одном из донских монастырей лазареты и приюты открыты не были, хотя 20 августа 1915 г. на общем собрании настоятелей и настоятельниц монастырей Донской епархии предполагалось отвести помещения на 270 человек [там же, л. 10–10 об.] Вместо лазаретов и приютов монастыри вносили пожертвования на нужды войны вплоть до февраля 1917 г. [там же, л. 84].

30 ноября 1915 г. Донское областное отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, сообщило Донской духовной консистории пожелание великой княгини, «чтобы к делу призрения детей по возможности шире были привлечены православные, в особенности женские монастыри и обители, с тем чтобы дети младшего возраста помещались в монастырях в ясли, а более взрослые получали бы там ремесленное образование» [36, л. 1]. Все монастыри Донской епархии, кроме Усть-Медведицкого, отказались участвовать в этой акции, предложив ежегодно отчислять на «призрение детей» определенную сумму [там же]. В Усть-Медведицком Преображенском монастыре 20 августа 1915 г. был открыт сиротский приют для детей воинов на 12 человек с полным оборудованием и содержанием на средства монастыря. Дети дошкольного возраста находились на попечении особо приставленных монахинь, а школьного возраста были определены в находящуюся в монастыре церковно-приходскую школу [там же, л. 6]. 26 августа 1917 г. приют был сокращен вдвое по причине «необычайной дороговизны хлеба» [там же, л. 32].

Как видно, донские монастыри внесли минимальный вклад в организацию благотворительной помощи. Их участие ограничилось лишь незначительными отчислениями «на нужды войны».

Донская и Новочеркасская епархия внесла немалый вклад в организацию социального служения в годы I Мировой войны. Получив магистральные направления деятельности в распоряжении Св. Синода, социальное служение во многом выполнялось посредством личной инициативы донского приходского духовенства, централизованностью отличались только отчисления из личных доходов духовенства и свечного взноса. Инициативы священнослужителей, отмечавшиеся в донской периодике, оставались частным делом священнослужителей, не приобретая

значимых форм в смысле организации каких-либо учреждений призрения. Пиком мероприятий, связанных с организацией на Дону разных видов социальной помощи воинам, их семьям и беженцам, был 1915 г. После этого благотворительная деятельность пошла на спад: архивные источники и периодика не сообщают о развитой сети благотворительных учреждений в 1916 г. Несмотря на инфляцию, обязательные отчисления церковью и духовенства «на нужды войны» вплоть до революционных событий 1917 г. оставались на прежнем уровне. Пассивную роль в благотворительной деятельности на Дону играло донское монашество. Оно не принимало участие в предлагаемых правительством акциях, связанных с призрением инвалидов, вдов и детей воинов, предпочитая вносить ежегодно определенную сумму на нужды войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борщукова Е. Д. Патриотическая деятельность Православной церкви в годы Первой мировой войны / Е. Д. Борщукова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 172. – С. 67–73.
2. Горожанина М. Ю. Деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны / М. Ю. Горожанина // Докл. Академии военных наук. – 2006. – № 5 (23). – С. 255–264.
3. Гулин А. О. Деятельность Русской православной церкви по оказанию помощи раненым в первый год Мировой войны 1914–1918 гг. (на материалах Костромской губернии) / А. О. Гулин // Государство, общество, церковь в истории России XX в. : материалы XIII Междунар. науч. конф. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2014. – С. 72–77.
4. Ключарева А. В. Благотворительная деятельность православных монастырей в годы Первой мировой войны / А. В. Ключарева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8. – С. 98–102.
5. Кудрявцева В. И. Русская православная церковь в годы Первой мировой войны по материалам журнала «Церковные ведомости» (из фонда БАН) / В. И. Кудрявцева // Петербургская библиотечная школа. – 2015. – № 1 (49). – С. 37–46.
6. Лисицына О. Л. К вопросу об организации благотворительной и патриотической деятельности тульского духовенства в годы Первой мировой войны / О. Л. Лисицына // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3-1. – С. 93–102.
7. Овсейко В. П. Благотворительная деятельность Русской православной церкви в Оренбургской епархии в годы Первой мировой войны / В. П. Овсейко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 5 (141). – С. 101–107.
8. Шушканова Е. А. Русская церковь в годы Первой мировой войны / Е. А. Шушканова // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. : материалы XIV Междунар. науч. конф. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2015. – Ч. 1. – С. 336–342.
9. Донские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23.
10. Донские епархиальные ведомости. – 1914. – № 25.
11. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12091.
12. Журналы епархиального съезда духовенства и церковных старост Донской епархии 1914 г. // Приложение к Донским епархиальным ведомостям. – Новочеркасск : Донская епархиальная типография, 1914.
13. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12093.
14. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12092.
15. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12096а.
16. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 41.
17. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12026.
18. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12019.
19. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12025.
20. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 20.
21. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 34.
22. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 27.
23. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 42.
24. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12106.
25. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 30.
26. ГАРО. – Ф. 362. – Оп. 1. – Д. 183.
27. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 36.
28. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 25.
29. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 46.
30. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 35.
31. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 49.
32. Донские епархиальные ведомости. – 1915. – № 31.
33. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12097.
34. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12101.
35. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12100.
36. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 12113.

Южный научный центр Российской академии наук
Шадрин А. В., кандидат исторических наук, научный сотрудник
E-mail: bergson@yandex.ru
Тел.: 8-903-404-28-95

The Southern scientific centre of the Russian Academy of Sciences
Shadrina A. V., Candidate of Historical Sciences, Researcher
E-mail: bergson@yandex.ru
Tel.: 8-903-404-28-95